

Когда Шан Сижуй вышел за ворота, Малыш Чжоу продолжил стирать свои тряпки, но в душе его клокотало скрытое возбуждение. Стирая, он вдруг выпустил мыло из рук, и оно упало в воду, но он даже не попытался его выловить, застыв в оцепенении. Он вдруг осознал, кто он есть.

После визита в труппу Юньси прошло всего несколько дней, и Чэн Фэнтай уже забыл о том скромном и слабом Малыше Чжоу, который казался вечной жертвой обстоятельств. Весь его интерес к театру сосредоточился исключительно на Шан Сижуне, а остальные события в театральном кругу, будь то открытие нового таланта или появление проблем, его совершенно не волновали.

Прошел месяц, и однажды рано утром Шан Сижуй позвонил в дом Чэна — это был первый раз, когда он звонил Чэн Фэнтаю. Телефон взяла Ланьхуа, служанка Второй госпожи. Шан Сижуй сказал:

— Сегодня важный день, приглашаю Чэн-второго сэра осмотреть товар.

Ланьхуа заглянула в соседнюю комнату, где Чэн Фэнтай еще спал, и спросила:

— Хорошо. Как ваша фамилия?

Шан Сижуй подумал и ответил:

— Моя фамилия Тянь.

Ланьхуа, чтобы не усложнять, сразу же тихо крикнула в сторону спальни:

— Второй сэр! Мистер Тянь зовет вас осмотреть товар!

После двух криков ответа не последовало, и девушка, забыв о приличиях, начала кричать громче и громче. В этот момент занавеска у двери раздвинулась, и Инхуа, служанка Второй госпожи, ворвалась в комнату, отчаянно махая руками, словно резала курицу. Ланьхуа не успела понять, что происходит, как сама Вторая госпожа с гневным лицом шагнула в комнату, бросила на нее взгляд и отругала:

— Совсем распустились! Кричите, как на базаре! Ты и на севере так себя вела?

Ланьхуа, держа телефонную трубку, опустила голову и отошла в сторону, не смея даже вздохнуть, глаза ее покраснели. Чэн Фэнтай, разбуженный этим шумом, больше не мог оставаться в постели, надел шлепанцы и подошел к телефону, с растрепанными волосами и сонными глазами. В душе он ругал себя, ведь у него не было друзей по фамилии Тянь, и в это время все его приятели еще спали, обнимая своих женщин. Только те, кто хотел одолжить деньги или требовал товар, могли звонить в такой час. Взяв трубку, Чэн Фэнтай специально улыбнулся Ланьхуа, чтобы успокоить ее. Эта девушка была куплена на севере всего несколько лет назад, и ей было трудно избавиться от деревенских привычек, поэтому она часто получала выговоры. Чэн Фэнтай всегда относился к ней с особой нежностью. Вторая госпожа, видя это, нахмурилась и села заниматься шитьем, решив не уходить. Ланьхуа, дрожа от страха, вышла из

комнаты, не зная, что ее ждет.

Шан Сижуй, долго не дождавшись ответа, начал напевать себе под нос, чтобы развлечься. Он всегда начинал петь, когда ему было скучно. Итак, Чэн Фэнтай услышал, как с другой стороны трубки доносится мягкий и нежный напев, словно губы шепчут прямо в ухо, вызывая щекотку в сердце — это была опера куньцзюй. Чэн Фэнтай засмеялся, и его смех, вероятно, был таким же мягким и нежным. Чтобы Вторая госпожа не заметила, он отвернулся и нарочно заговорил с пекинским акцентом:

— Мистер Тянь, сегодня в ударе, раз уж позвонил мне. Что вам угодно?

Шан Сижуй удивился:

— Я еще ничего не сказал, как вы узнали, что это я?

Чэн Фэнтай ответил:

— Кто еще, кроме нашего мистера Тяня, может так красиво петь?

Шан Сижуй тут же засмеялся, смех его был сдержанным, но полным возбуждения, с детской игривостью:

— Есть еще! Есть! Хотя и немного хуже, чем у Шан-сэра.

Чэн Фэнтай тоже рассмеялся:

— Правда есть что-то интересное, что я должен увидеть?

— Правда.

— Тогда во сколько встретимся?

— Сейчас.

— Сейчас?

Чэн Фэнтай взглянул на часы: ровно четверть первого. Но в театрах всегда лучшие спектакли ставят вечером, а главные роли исполняют звезды сцены:

— Что может быть интересного в такое время?

Шан Сижуй, не желая объяснять, просто сказал:

— Просто приходи! Быстрее! Если опоздаешь, я уйду сам.

Чэн Фэнтай повесил трубку и поспешно оделся, чтобы отправиться на встречу. Его лицо выражало совсем другие эмоции, чем обычно, когда он шел на деловые переговоры — в уголках глаз и на кончиках бровей читались весеннее настроение и нетерпение. Вторая госпожа с недоумением смотрела на него, размышляя, и велела позвать Старину Гэ, чтобы тот приготовил машину. Старина Гэ как раз обедал с женой, одетый в засаленную домашнюю рубаху, с жирными волосами и лицом. Ему нужно было время, чтобы переодеться и привести себя в порядок. Шан Сижуй с его характером не стал бы ждать. Чэн Фэнтай, постояв на пороге меньше минуты, тоже потерял терпение, поправил узел галстука и сам сел за руль. Вторая госпожа почувствовала неладное: обычно Чэн Фэнтай, отправляясь на деловые встречи, всегда брал с собой водителя, ведь он любил покрасоваться.

Подъехав к дому Шан Сижую, Чэн Фэнтай дважды нажал на клаксон, и Шан Сижуй выбежал и прыгнул в машину:

— Поехали! Труппа Юньси!

Чэн Фэнтай не тронулся с места, хмурясь и улыбаясь:

— Давай, садись рядом со мной. Ты что, решил, что я буду везти тебя, как извозчик, а ты будешь важным господином?

Шан Сижуй взглянул на его лицо:

— О! Это вы, второй сэр! Простите, только сейчас вас заметил. Где Старина Гэ?

Чэн Фэнтай чуть не закатил глаза. Что за человек! Погруженный в мысли о театре, он даже не замечает любимого человека. Эта полная поглощенность и страсть вызывали у Чэн Фэнтая ревность. Не говоря ни слова, он схватил Шан Сижую за воротник и силой усадил его на соседнее сиденье. К счастью, Шан Сижуй был гибким и ловким, и, хоть и ворча, он быстро устроился на месте. Усевшись, он начал ругать Чэн Фэнтая за грубость, утверждая, что тот причинил ему боль. Чэн Фэнтай ткнул пальцем в его нос:

— Не шуми! Сиди смирно!

Шан Сижуй, увидев, что тот действительно немного рассержен, тут же замолчал и сел прямо, понимая, что лучше не спорить.

До труппы Юньси от переулка Наньлогу было всего десять минут езды, но Чэн Фэнтай давно не садился за руль, и навыки его притупились, да и дорогу он забыл. Он сделал крюк, объехав две улицы, и Шан Сижуй начал подозревать, что это было сделано специально, чтобы вывести его из себя. Шан Сижуй и правда начал нервничать, то и дело заглядывая на свои швейцарские часы и ворча. Чем больше он волновался, тем медленнее ехал Чэн Фэнтай, наслаждаясь прогулкой, а Шан Сижуй вертелся на сиденье, словно ему не терпелось в туалет. Когда они наконец добрались до театра, машина еще не остановилась, как Шан Сижуй выпрыгнул и исчез, словно спешил в объятия возлюбленного. Чэн Фэнтай, глядя на его удаляющуюся фигуру, невольно пробормотал:

— Черт...

Неизвестно, какие тайные встречи были у Шан Сижую с Малышом Чжоу, но теперь они были очень близки. Чэн Фэнтай, петляя за кулисами, нашел Шан Сижую, который в темной и захлавленной комнате лично наносил грим Малышу Чжоу. Малыш Чжоу был одет в простое одеяние, похожее на монашеское. Однако его лицо после нанесения грима стало невероятно красивым — удлиненное лицо с вишневыми губами и блестящими глазами, в которых читались тревога и неуверенность, словно легкий ветерок мог их развеять, в отличие от яркого и ясного духа Шан Сижую.

Малыш Чжоу, подняв лицо, смотрел на Шан Сижую с жалостью, сидя напряженно и скованно:

— Шан-сэр, расскажите мне о пьесе... Пожалуйста... Расскажите...

Шан Сижуй одной рукой поддерживал его подбородок, успокаивая дрожь, а другой размазывал румяна на его лице, превращая их в нежный розовый цвет:

— Просто пой. Пой так, как чувствуешь. Ты еще не звезда сцены! Никто тебя не знает, так что не бойся ошибиться. Покажи мне свою игру.

Малыш Чжоу сказал:

— У меня нет своей игры. Я только учусь у учителя.

Шан Сижуй остановился:

— У тебя есть своя игра. Ты талантлив, я не ошибаюсь. Не учишься у своего учителя, его методы устарели, он не стоит того. Просто отпусти себя! Что ты мне говорил той ночью?

Они говорили тихо, и сейчас было время дневного спектакля, так что за кулисами почти никого не было. Но Шан Сижуй все же не должен был говорить о недостатках других в чужом доме. Иногда он был слишком свободным в своих словах, смелым и прямым, совершенно не заботясь о сложностях театрального мира.

Малыш Чжоу, с глазами полными слез, хотел что-то сказать, но Шан Сижуй остановил его:

— Эй! Хватит! Если заплачешь, грим смажется, что тогда делать?

В этот момент из-за кулис раздался низкий хриплый крик:

— Малыш Чжоу! Малыш Чжоу! Ты, ублюдок! Где ты? Быстро выходи!

<http://bllate.org/book/15435/1368607>